

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 316.36 (=411.16)(476)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-78-84>

Поступила в редакцию 16.07.2019
Received 16.07.2019

В. Ф. Батяев

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ ЕВРЕЕВ БЕЛАРУСИ

Аннотация. В современный период возрастает потребность всестороннего исследования социальной культуры этноса и ее важного компонента – семьи. В то же время изучению семейных отношений евреев Беларуси не уделялось достаточного внимания. В этнологической науке нет специальных научных трудов по этой проблеме. Между тем выявление с помощью структурного, сравнительно-исторического и функционального методов исследования религиозных обычаев, влияющих на брачно-семейные отношения, возраста вступления в брак и условий его повышения, механизмов заключения браков, причин поддержания устойчивости браков и сокращения числа разводов среди евреев представляет определенный научный интерес и имеет важное практическое значение. Брачно-семейные отношения евреев Беларуси в XVI – начале XX в. устанавливались религиозными обычаями (обручение юношей с 14, а девочек – с 12–13 лет, принуждение духовным судом к женитьбе 20-летнего холостяка, неодобрение браков ради богатства и браков между старыми и молодыми). Во второй половине XIX в. с ослаблением влияния раввината на общественную жизнь и повышением общеобразовательного уровня мужчины стали вступать в брак с 18, а женщины – с 16 лет. Устройством браков занимались «шадхонимы» (сваты, сватья), которые знакомили подходящие пары, помогали составлять предварительный и брачный договор. Семьи были многодетными и крепкими. Супружескую верность нарушали редко. Нарушителей наказывал духовный суд постом, физическим и публичным унижением. Существовал обычай «условного развода». Узжавший надолго муж оставлял жене разводное письмо, где было сказано, что если он не вернется к установленному сроку, жена может быть свободной. Для мужчин процесс развода был упрощен. Им достаточно было вручить жене разводной лист («гет»). С ослаблением влияния этих обычаев количество разведенных женщин сокращалось.

Ключевые слова: брак, муж, жена, раввин, сваты, семья

Для цитирования: Батяев, В. Ф. Семейные традиции евреев Беларуси / В. Ф. Батяев // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 78–84. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-78-84>

Vasil F. Batsiayeu

*Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

FAMILY TRADITIONS OF JEWS OF BELARUS

Abstract. In the modern period, the need for a comprehensive study of the social culture of the ethnos and its important component, the family, is growing. At the same time there was no sufficient attention given to study of family relations of the Jews of Belarus. In ethnological science there are no special scientific papers on this issue. Meanwhile, the identification of religious customs that affect marriage and family relations, age of marriage and conditions for its increase, mechanisms of marriage, reasons for maintaining the stability of marriages and reducing the number of divorces among Jews using structural, historical and functional research methods is of particular scientific interest and has practical importance. Marital and family relations of the Jews of Belarus in the XVI – in the beginning of the XX century established religious practices (betrothal of young men from 14 and girls from 12–13 years old, forcing a spiritual court to marry a 20-year-old bachelor, disapproval of marriages for the sake of wealth and marriages between old and young). In the second half of the XIX century with the weakening of the influence of the rabbinate on public life and the increase in the general educational level, men began to marry at the age of 18, and women – in 16 years. Shadhonims (matchmakers) were engaged in arranging marriages, who introduced suitable couples and helped draw up a preliminary and marriage contract. Families were large and strong. Adultery

infidelity rarely violated. Violators punished the spiritual court by fasting, physically and publicly humiliated. There was a custom “conditional divorce”. The husband who was leaving for a long time left a letter of divorce to his wife, which said that if he did not return by the deadline, the wife could be free. For men, the process of divorce was simplified. It was enough for them to give his wife a check sheet (“het”). With the weakening of the influence of these customs, the number of divorced women declined.

Keywords: marriage, husband, wife, rabbi, matchmakers, family

For citation: Batyaev V. F. Family traditions of Jews of Belarus. *Vestsy Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 1, pp. 78–84 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-78-84>

В современный период возрастает потребность всестороннего исследования социальной культуры этноса и ее важного компонента – семьи. В то же время изучению семейных отношений евреев Беларуси не уделялось достаточного внимания. В этнологической науке нет специальных научных трудов по этой проблеме. Между тем выявление с помощью структурного, сравнительно-исторического и функционального методов исследования религиозных обычаев, влияющих на брачно-семейные отношения, возраста вступления в брак и условий его повышения, механизмов заключения браков, причин поддержания устойчивости браков и сокращения числа разводов среди евреев представляет определенный научный интерес и имеет важное практическое значение.

Брачно-семейные отношения евреев в XVI – начале XX в. устанавливались религиозными обычаями. Одной из заповедей Торы было благословение: «Плодитесь и размножайтесь». Раввины полагают, что «холостой человек живет без радости, без благословения и без счастья». Безбрачие воспринималось общиной как самое большое несчастье и позор. Еврей должен был жениться, даже если брак не сулил ему ничего хорошего. В то же время раввины не одобряли женитьбу ради богатства, советовали обращать внимание на характер и поведение братьев невесты, считали, что характер будущих детей будет похож на характер братьев их матери. Мудрецы говорили: «Продай последнее и женись на дочери ученого. Они не советовали жениться на девушках из более родовитого дома, чем дом мужа. Многие отцы мечтали выдать дочь даже за бедного жениха, но происходящего из знатной фамилии, или ученого. Не поощрялся брак между старыми и молодыми. Говорили: «Добрая жена – драгоценный дар, выпадающий на долю богобоязненного мужа; злая жена – проказа для мужа. Красивая жена – счастье для мужа, дети его жизни удваиваются» [4, с. 340; 7, с. 60; 9, с. 265; 10, с. 52; 12, с. 104, 106].

В XVI в. Шулхан-Арух, основываясь на Талмуде и раввинских кодексах, определял возраст вступления в брак для мужчины от 13 до 20 лет. Нормальным признавали возраст 18 лет. Мужчин, неженатых по неуважительной причине, в возрасте более 20 лет еврейский духовный суд мог принудить к женитьбе. Брачный возраст женщин начинался с наступлением половой зрелости. Но существовал обычай обручать малолетних дочерей, так как, накопив приданое для дочери, отец торопился поскорее выдать ее замуж, чтобы не растратить накопленное. Поэтому судьба женщины зависела от обручения ее с малолетства (12–13 лет) без ее согласия или по достижении физической зрелости, когда согласие невесты считалось обязательным. При этом жених и невеста сходились на смотринах. Жених должен в присутствии родных и близких с обеих сторон «посмотреть на невесту и себя показать» [4, с. 340; 9, с. 266].

В целях ограждения от соблазна, остерегая честь своих дочерей, в XVII и XVIII вв. родители обычно женили своих детей в более раннем возрасте, нежели в предшествующий период. Вступление в брак 13-летнего мальчика считалось вполне нормальным явлением, но случалось, что женили детей и в возрасте 11 и даже 10 лет, особенно сирот, чтобы они обрели опекуна-кормильца в лице тестя или свекра. Но если юноша моложе 18 лет посватался без ведома отца, председателя суда, родственников, то, согласно постановлению Литовского Вада главных еврейских общин 1623 г., сватовство считалось недействительным. Ранние браки существовали у евреев до середины XIX в. Юноши вступали в брак с 14 лет. Были случаи, когда женили девятилетних детей. Ранняя женитьба вызвана стремлением избежать призыва в армию. Заключению ранних браков способствовали религиозные обычаи, которые усиленно насаждали раввины. Они оказывали негативное влияние на материальное положение евреев. Родители жены обязывались содержать малолетних супругов в течение ряда лет. Семьи, состоявшие на их иждивении, росли

и умножались. При первом вступлении в самостоятельную трудовую жизнь молодой человек оказывался уже обремененным детьми, для которых приходилось подыскивать жениха или невесту. Для многих бремя преждевременных семейных забот оказывалось непосильным, отсюда обилие в ту пору «агун-жен», покинутых вместе с детьми своими мужьями. С ослаблением влияния раввина на общественную жизнь, вследствие повышения общего образовательного уровня, во второй половине XIX в. брачный возраст несколько увеличился и составил для мужчин 18, а для женщин 16 лет. В Каменце юноши и девушки вступали в брак в возрасте от 13 до 17 лет. Более половины евреев выходили замуж до 19 лет, 45 % – к 25 годам. Заботу о неимущих или невестах-сиротах брала на себя еврейская община, которая собирала деньги на приданое. В 70-е годы XIX в. в Могилеве в брак вступали в 16 лет. Родители старались иметь жен для своих сыновей из отдаленных мест. Отец семейства из Могилева жену одному сыну взял из Гродно, другому – из Херсона, а дочь выдал в Галицию. В Гомеле в конце XIX в. в 9,4 % браках муж и жена были ровесниками, в 53,2 % – муж был старше жены на 1–5 лет, в 9,1 % – с разницей в возрасте более 10 лет и в 7,5 % браков – жена на 1–4 года старше мужа. В начале XX в. брачный возраст у мужчин составлял 24–25 лет, а женщин – 22 года [1, с. 424; 2, с. 17; 4, с. 361, 363; 6, с. 65; 7, с. 60; 8, с. 22; 10, с. 52, 59; 12, с. 51; 14, с. 52; 15, с. 61, 62].

В конце XIX в. уровень брачности евреев был невысоким. Согласно переписи 1897 г., на 1000 человек каждого пола приходилось 365 мужчин и 355 женщин, состоящих в браке. В последующие годы, как показывают переписи 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., уровень брачности неуклонно повышался. В 1959 г. на 1000 лиц каждого пола в возрасте 16 лет и старше в браке состояли 764 мужчины и 569 женщин, в 1970 г. – соответственно 767 и 575, в 1979 г. – 779 и 576, а в 1989 г. – 791 и 582. Брачность в возрастных группах 25 и более лет была выше, чем в других возрастных группах, ее уровень среди лиц в возрасте до 30 лет был выше у женщин, а в остальных возрастных группах – у мужчин. В целом уровень брачности у мужчин был выше, чем у женщин. Это объясняется численным превосходством женщин над мужчинами. Этот показатель у городского населения был несколько выше, чем у сельского. По этому критерию среди наиболее многочисленных этнических групп евреи были на втором месте и уступали только украинцам [1, с. 429].

В 1991 г. в брачной структуре еврейского населения значительных изменений не произошло, за исключением того, что брачность среди женщин была выше, чем у мужчин лишь в возрастной группе 16 – 19 лет [1, с. 429–430].

Традиционно у евреев браки являются одноэтническими, так как межэтнические браки запрещались религиозными предписаниями. Однако под влиянием социально-экономических преобразований, роста образовательного и культурного уровня еврейского населения произошла демократизация брака, что создало условия для выбора партнера за пределами своей этнической общности и заключения браков с представителями других этнических общностей. В 1937 г. из вступивших в брак евреев 90,5 % составляли одноэтнические браки, 6,8 – с белорусами, 1,8 – с русскими, 0,7 – с поляками и 0,2 % – с украинцами. У евреев были и внутриродовые браки, т. е. мужем и женой могли стать двоюродные брат и сестра или более дальние родственники. Случаи принудительного выбора мужа (жены) были редкими. Имущественный антагонизм передавался от родителей к детям. Стремление сохранить и приумножить то, что уже было накоплено в семье, служило важным условием будущего брака. Различия в социально-экономическом статусе родителей влияли на взаимоотношения молодых людей [1, с. 430; 7, с. 60; 10, с. 53; 13, с. 375; 15, с. 62].

Заключением браков занимались сваты и свахи («шадхонимы»). Эту роль исполняли или родные жениха и невесты, или посторонние люди – профессиональные сваты и свахи. Они разъезжали по разным городам и местечкам, записывали, у кого из состоятельных евреев имелся сын, а у кого – дочь и с каким приданым. На основании этих сведений они старались познакомиться подходящие пары, сблизить их и, согласовав условия, соединить, часто без ведома родителей невесты. При успехе сваты получали с обеих сторон вознаграждение. Согласно постановлению Литовского Вада главных еврейских общин 1623 г., вознаграждение за сватовство, состоявшееся на расстоянии до 20 миль (вокруг данного места), полагалось по 48 польских грошей с каждой сотни (польских золотых приданого); а на расстоянии 20 миль и больше – если сват понес расходы – по литовской копе (грошей) с каждой сотни. Если один сват начал, а другой закончил

сватовство, то вознаграждение они делили между собой [1, с. 433; 3, с. 762; 4, с. 341; 8, с. 22, 23; 12, с. 104].

Первыми шагами на пути от сватовства к браку были «тноим» (предварительные условия). Между родителями жениха и невесты заключался письменный договор, в котором определяли размер приданого, дату свадьбы, срок предоставления молодым полного содержания (стола и квартиры) после свадьбы (один или два года). В договоре определяли также неустойку («кнас») для стороны, которая нарушит его. Подписание договора происходило в присутствии родных и гостей с обеих сторон и сопровождалось торжественным ужином, который назывался *Knassmahl*. Такие договора часто заключались неосмотрительно и легко нарушались еще до свадьбы, которая отменялась. Предбрачный договор вступал в действие, если до венчания жених вручал или посылал невесте подарки (*Siblonoth*). Дарили обычно золотые червонцы или женские украшения: кольца, серьги, пояса. После заключения предварительного договора о свадьбе невеста отправлялась на кладбище и просила покойных родственников незримо присутствовать рядом с ней в счастливый момент [1, с. 433; 2, с. 17; 3, с. 762; 4, с. 341; 9, с. 266; 10, с. 53; 11, с. 364].

Обручение совершалось в момент бракосочетания, под балдахином (*chuppa*), обычно по пятницам, перед наступлением субботнего вечера, когда жених под хупой надевал на палец невесты кольцо, а раввин или кантор громко читал «ктубу» (брачное обязательство) и семь благословений. В брачном обязательстве определялись обязанности мужа по отношению к жене, а также количество приданого с обеих сторон. По обычаю полный размер приданого не указывали, так как договор читали публично и оглашение полной суммы могло смущать жениха или невесту из бедной семьи, приданое которых было скудным. Поэтому принято было в договоре писать только установленный минимум приданого. Большая часть приданого по обязательству включалась в дополнительный договор – «Тосфотктуба», который публично не читали. Часто отец невесты выдавал дочери или зятю сверх предусмотренного приданого письменное обязательство («Штор хаци – зохар»). В нем отец брал на себя обязательство перед смертью завещать семье дочери деньги в размере половины той части наследства, которая придется на долю каждого из его сыновей. Бедные родители ограничивались тем, что содержали молодых на свои средства год или два после свадьбы. Некоторые родители или опекуны невесты обычно брали обязательство вручить денежную часть приданого лично жениху перед самым венчанием. Были случаи, когда жених, не получив обещанного, отказывался идти под венец. Дело с трудом улаживали сваты. Приданое отдавали молодым не раньше, чем через год или два после свадьбы, причем молодые ни под каким предлогом не должны были возвращать его родителям, которые очень часто применяли всевозможные ухищрения, чтобы вернуть свои деньги. После прочтения и подписания договора разбивали глиняную посуду и поздравляли родителей и жениха. Невеста при этом отсутствовала, так как считалось неприличным ее присутствие при таких договорах. Этим заканчивалась помолвка, и сваты получали вознаграждение за хлопоты [1, с. 433; 3, с. 762; 4, с. 343, 344; 9, с. 266, 267].

Молодожены после свадьбы традиционно переходили в дом невесты. Жизнь в кругу своей семьи обеспечивала молодой женщине защиту от мужа и его родственников, которые от нее ожидали выполнения домашних и хозяйственных работ. Молодая женщина имела возможность строить отношения с супругом в знакомой с детства обстановке и в окружении своих родственников (традиция рожать в родительском доме была главенствующей). В семье главную роль играла жена. Она отвечала за благополучие членов семьи, вела хозяйство, заботилась о муже, наставляла детей, являлась хранительницей домашнего очага, следила за соблюдением кашрута, обычаев и заповедей. В условиях постоянного отсутствия мужа, занятого поисками заработка, за все отвечала жена. Поэтому во многих семьях детей называли по имени матери, что затем переходило в наследуемые фамилии: Хайкины, Ривкины, Соркины, Эстеркины, Лейкины, Шифрины, Райкины, Малкины. В Турове к ним относились Гительманы (Гифа), Дворкины (Двейра), Иткины (Ита), Рашкины (Рохл, Рахель), Ривлины и Рышкины (Ривка), Сошкины (Сора, Сара) и др. [10, с. 53, 54].

В семье большим событием являлось рождение ребенка, при зачатии которого существовали суеверия. Считали, что ребенок родится глухим, если родители во время полового акта будут

разговаривать, хромым – если совокупление случится в извращенной форме, больным эпилепсией – если близость произойдет при включенном свете, худым – если зачатие будет не на расстеленной кровати, чахоточным – если супруги сблизятся сразу после дороги, вообще ни на что не годным – если муж принудит жену к половой близости. Советовали, чтобы жена внимательно вглядывалась в лицо мужа, если хотела, чтобы ребенок родился на него похожим. Полагали, что дитя будет выглядеть младше своих лет, если его зачали в начале месяца, и старше, если в конце. Бездетность считали гневом небес, наказанием за грехи. Для избавления от бездетности запускали магические средства, рекомендовали есть больше рыбы или получить напутствие от молодой пары, для которой ставили хупу. Женщине советовали сходить в баню вместе с беременной невестой или роженицей. Беременную оберегали от волнений и угождали ей. Она должна была получать только приятные впечатления и окружать себя красивыми вещами. Ее запрещалось дразнить и отказывать ей в просьбе. Считали, что неудовлетворенное желание приведет к выкидышу. Нельзя было есть лук и редьку, чтобы ребенок не родился с обычной внешностью, или требуху, которая якобы «забивала голову» и могла помешать воспринимать Тору. У евреев больше, чем у других национальностей выживало детей. Период отдыха после родов у еврейки составлял 7–8 дней. Освобождение от работ на этот срок позволяло восстановить силы, наладить кормление грудью, укрепить связь с ребенком в течение первых дней его жизни. Роженицы уделяли большое внимание личной гигиене, регулярно посещали микву, носили абсорбирующие повязки и меняли нижнее белье, пользовались современной медицинской помощью, следовали совету врачей [10, с. 55–57].

Евреи в средние века жили большими семьями. В XIV в. преобладали семьи из 14 человек. В XIX в. в еврейских семьях было много детей. В Турове – от 9 до 18. В XX в. более распространенными были малые семьи, состоящие из родителей и их детей. В начале XX в. еврейская семья в Гомеле насчитывала до 8, а в Могилеве – до 7 детей. В 20-е годы XX в. в местечке Селец Могилевской губернии в каждой семье было 8–9, а в деревне Сущево Быховского уезда – 6 человек. В 1989 г. одноэтнические еврейские семьи в целом по республике составляли 1,0 %, а в городах – 1,5 % среди таких же семей всех других этнических групп. Согласно переписям 1979 и 1989 гг., однонациональная статистическая семья состояла из 3 человек [1, с. 430; 5, с. 253; 10, с. 56; 12, с. 107; 15, с. 61].

Семейная жизнь у евреев отличается чистотой и крепостью. В еврейских семьях отсутствует алкоголизм, меньше распространены венерические заболевания, более заботливо относятся к детям. Распад семьи происходит редко. Развод по религиозному обычаю допускался. Хотя у евреев он был редким явлением, поскольку замужние строго соблюдали супружескую верность. Кроме того, воспитание большого количества детей привязывало жену к дому, а также муж и жена, занятые днем и ночью в течение шести дней торговыми и домашними заботами, только на седьмой день под страхом божественного наказания и общественного отвержения должны были молиться и отдыхать в семье. Разводились по причине супружеской неверности, разногласий между супругами, бесплодия, болезни одного из супругов, отсутствия материальных средств на содержание семьи, призыва в армию и др. Нарушение супружеской верности было крайне редким явлением и вызывало всеобщее суровое осуждение. Нарушителей духовный суд наказывал постом, физическим и публичным покаянием. Обвинения в неверности подлежали тщательному разбирательству. Ответчиков раввины наказывали публичным унижением. Согрешившему супругу (супруге) надевали на голову убор из перьев, и служитель синагоги водил провинившегося по улицам местечка. В то же время распространение слухов о супружеской неверности, порочащих чувства женщины, считалось тяжким преступлением, за которое еврейский духовный суд очень строго наказывал. Для восстановления поруганной семейной чести обращались в таких случаях к помощи раввина. Обидчика наказывали. Ставили в синагоге перед кивотом с двумя зажженными свечами в руках, громко просили прощения за свое сквернословие у Бога, а затем у оскорбленной женщины и у ее мужа. После публичного покаяния он должен в течение четырех недель сидеть во время богослужения за дверьми синагоги как человек, находящийся в глубоком трауре. Кроме того, он обязан уплатить оскорбленной семье судебные издержки по возбужденному в духовном суде делу. Женщины, уличенные в супружеской

измене, не подвергались суровому публичному покаянию, а чаще принуждались либо к разводу, либо к разлучению с мужем. Существовал обычай «условного развода». Уезжавший надолго муж оставлял жене разводное письмо, где сказано, что если он не вернется к установленному сроку, то жена может быть свободной. Такая предосторожность нужна была для того, чтобы сотни женщин не оставались бы «агунами», т. е. вечными вдовами, не имеющими права вторично выходить замуж из-за отсутствия точных известий о смерти пропавших мужей. Раввины разрешали женам выходить вторично замуж лишь после того, как надежными свидетельскими показаниями подтверждался факт смерти пропавшего мужа. Жены без вести пропавших мужей обречались на вечное вдовство. В 1897 г. вдов было 3 раза больше, чем вдовцов. В последующий период, прежде всего из-за потери мужского населения в военные годы, а также в результате более высокой продолжительности жизни женщин эта разница увеличивается. В 1979 г. в Беларуси вдов было уже в 5,9, а в 1989 г. – в 5,5 раза больше, чем вдовцов. Разведенных женщин в 1897 г. было в 4 раза больше, чем мужчин. Такое обстоятельство объясняется тем, что мужчины чаще вступают в повторный брак, а также существующими религиозными обычаями, которые упрощали процесс развода для мужчин. Им достаточно было лишь написать разводной лист «гет» на арамейском языке и вручить жене, тогда как женщине требовались доказательства перед раввинским судом о неспособности мужа к супружеской жизни или наличия неизлечимой болезни. Неверность мужа не давала права жене требовать развода. С ослаблением влияния этих обычаев на супружеские отношения разница в числе разведенных мужчин и женщин сократилась. В 1979 г. в Беларуси разведенных женщин было в 2,7, а в 1989 г. – в 2,4 раза больше, чем разведенных мужчин [1, с. 430; 2, с. 17; 4, с. 344 – 348; 7, с. 60; 9, с. 267 – 268; 10, с. 54, 57; 12, с. 104].

Таким образом, брачно-семейные отношения евреев Беларуси определялись религиозными установками и обычаями. Безбрачие воспринималось общиной как несчастье. До середины XIX в. существовали ранние браки. Межэтнические браки были редким исключением. Имели место внутриродовые браки. Заключение браков занимались «шадхонимы» (сваты, свахи), которые знакомили подходящие пары, помогали составлять предварительный договор «тноим» для заключения между родителями жениха и невесты и «ктубу» (брачный договор). Молодожены в течение одного–двух лет после свадьбы жили на полном содержании родителей. Семьи были многодетными и крепкими. Нарушение супружеской верности было крайне редким явлением. Оно сурово осуждалось. Нарушителей наказывал духовный суд постом, физическим и публичным унижением. Существовал обычай «условного развода». Уезжавший надолго муж оставлял жене разводное письмо, где было сказано, что если он не вернется к установленному сроку, жена может быть свободной. Этот обычай не позволял оставаться вечными вдовами женам, лишенным права вторично вступить в брак в случае пропажи мужа. Для мужчин процесс развода был упрощен. Им достаточно было вручить жене разводной лист («гет»). С ослаблением влияния этих обычаев количество разведенных женщин сокращалось.

Список использованных источников

1. Батяев, В. Ф. Евреи / В. Ф. Батяев // Кто живет в Беларуси / А. Вл. Гурко [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск, 2012. – С. 402–452.
2. Гортынский, Н. Г. Записка о евреях в Могилеве на Днепре и вообще в Западном крае России / Н. Г. Гортынский. – 2-е изд., доп. – М. : Синод. тип., 1878. – 174 с.
3. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях : с двумя картами губернии и 17 резанными на дереве гравюрами видов и типов : в 3 кн. / сост. и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев на Днепре : Тип. Губерн. правления, 1882. – Кн. 1. – 782 с.
4. История еврейского народа. – М. : Мир, 1914. – Т. 11 : История евреев в России / А. Н. Браудо [и др.]. – 528 с.
5. История Могилевского еврейства: документы и люди : науч.-популяр. очерки и жизнеописания : в 2 кн. – Минск : Юнипак, 2006. – Кн. 2, ч. 1 / сост. А. Литвин. – 387 с.
6. Котик, Е. Мои воспоминания / Е. Котик ; пер. с идиша М. А. Улановской ; под ред. В. А. Дымшица ; предисл. и примеч. В. А. Дымшица. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге ; М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гершарим, 2009. – 368 с.
7. Лившиц, В. М. Горецкая еврейская община: страницы истории / В. М. Лившиц. – Нацарт Илит, Горки, Могилев. обл. : [б. и.], 2010. – 298 с.

8. Областной Пинкос Ваада главных еврейских общин Литвы : собр. постановлений и решений Ваада (сейма) от 1623 до 1761 г. / текст с рус. пер. И. И. Тивима ; под ред. с предисл. и примеч. С. М. Дубнова. – СПб. : Типолитограф. И. Лурье и К^о, 1909–1912. – Т. 1 : 1623–1662. – 1909. – 324 с.
9. Розенберг, А. Я. О великом наследии прошлого с надеждой на духовное будущее / А. Я. Розенберг. – Минск : А. Н. Вараксин, 2011. – 313 с.
10. Смиловицкий, Л. Л. Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья / Л. Л. Смиловицкий. – Иерусалим : [б. и.], 2008. – 798 с.
11. Соболевская, О. А. Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века / О. А. Соболевская. – Гродно : ГрГУ, 2012. – 443 с.
12. Цыпин, В. М. Евреи в Мстиславле / В. М. Цыпин. – Иерусалим : Скопус, 2006. – 373 с.
13. Шульман, А. Л. Место его уже не узнает его ... [неизвестные и малоизвестные страницы истории еврейских местечек Беларуси] / А. Л. Шульман. – Минск : Медисонт, 2007. – 465 с. – (Записки редактора журнала «Мишпоха»; кн. 1).
14. Яшчанка, А. Р. Гомель у другой палове XIX – пачатку XX ст. : гіст.-этнагр. нарыс / А. Р. Яшчанка. – Гомель : Гомел. каап. ін-т, 1997. – 79 с.
15. Ященко, О. Г. Повседневная жизнь еврейского населения Гомеля в начале XX века / О. Г. Ященко // Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX века) : сб. материалов науч.-теорет. конф., Гомель, 21 сент. 2003 г. / Союз белорус. евр. обществ. об-ний и общин, Гомел. обл. евр. община «Ахдут» (Единство), Гомел. гос. ун-т ; редкол.: А. Л. Киштымыв [и др.]. – Гомель, 2004. – С. 61–64.

References

1. Batyaev V. F. Jews. *Kto zhivet v Belarusi* [Who lives in Belarus]. Minsk, 2012, pp. 402–452 (in Russian).
2. Gortynskii N. G. *Note about the Jews in Mogilev on the Dnieper and in general in the Western Territory of Russia*. 2nd ed. Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1878. 174 p. (in Russian).
3. Dembovetskii A. S. (ed.). *Experience of describing the Mogilev province in historical, physical-geographical, ethnographic, industrial, agricultural, forestry, educational, medical and statistical relations. Book 1. Mogilev on the Dnieper*. Tipografiya Gubernskogo pravleniya Publ., 1882. 782 p. (in Russian).
4. Braudo A. I., Vishnitsker M. L., Gessen Yu. (et al.). *The history of the Jewish people. Vol. 11. Istoriya yevreyev v Rossii*. Moscow, Mir Publ., 1914. 528 p. (in Russian).
5. Litvin A. (compiled). *History of Mogilev jewry: documents and people: popular science essays and biographies. Book 2, part 1*. Moscow, Yunipak Publ., 2006. 387 p. (in Russian).
6. Kotik E. *My memories*. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg; Moscow, Mosty kul'tury Publ.; Jerusalem, Gesharim Publ., 2009. 368 p. (in Russian).
7. Livshits V. M. *Gorki Jewish community: pages of history*. Nazart Illit, Gorki, Mogilev region, 2010. 298 p. (in Russian).
8. *Regional Pinkos Vaad of the main Jewish communities of Lithuania. Collection of resolutions and decisions of the Vaad (Sejm) from 1623 to 1761. Vol. 1*. St. Petersburg, Tipolitografiya I. Lur'e i Ko Publ., 1909. 324 p. (in Russian).
9. Rozenberg A. Ya. *On the great heritage of the past with hope for a spiritual future*. Minsk, A. N. Varaksin Publ., 2011. 313 p. (in Russian).
10. Smilovitskii L. L. *Jews in Turov: the history of the town of Mozyr Polesie*. Jerusalem, 2008. 798 p. (in Russian).
11. Sobolevskaya O. A. *Daily life of the Jews of Belarus at the end of the XVIII – first half of the XIX century*. Grodno, Grodno State University, 2012. 443 p. (in Russian).
12. Tsy-pin V. M. *Jews in Mstislavl*. Jerusalem, Skopus Publ., 2006. 373 p. (in Russian).
13. Shul'man A. L. *His place no longer recognizes him ... [unknown and little-known pages of the history of Jewish towns in Belarus]. Notes by the editor of the magazine "Mishpoha"*. Minsk, Medisont Publ., 2007. 465 p. (in Russian).
14. Yashchanka A. R. *Gomel in the second half of XIX – early XX century: historical and ethnographic essay*. Gomel, Gomel Cooperative Institute, 1997. 79 p. (in Belarusian).
15. Yashchenko O. G. Everyday life of the Jewish population of Gomel in the early XX century. *Evrei v Gomele. Istoriya i kul'tura (konets XIX – nachalo XX veka): sbornik materialov nauchno-teoreticheskoi konferentsii, Gomel', 21 sentyabrya 2003 g.* [Jews in Gomel. History and culture (the end of XIX – early XX centuries): collection of materials of the scientific and theoretical conference, Gomel, September 21, 2003]. Gomel, 2004, pp. 61–64 (in Russian).

Информация об авторе

Батяев Василий Федорович – доктор исторических наук. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: batyaev.41@mail.ru

Information about the author

Vasil F. Batsiayeu – D. Sc. (Hist.), Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: batyaev.41@mail.ru